

Доброта

МЫ ИГРАЛИ в домино, когда он тронул меня за плечо и попросил: — Можно вас на минутку? Раздосадованный, я неохотно уступил место за столом другому.

— Бога ради извините, — сказал он, когда мы отошли в сторону. — Но у меня к вам большая просьба.

— Ира!? — раздраженно крикнул я играющей в песочнице дочке. — Не пачкай платье! Мама будет ругаться.

— Хорошо, папа, — охотно и легко отозвалась она и сразу же забыла о своем обещании.

— Слушаю вас, — я мельком взглянул на его продолговатое, изрезанное морщинами лицо, которое пересекал чуть заметный шрам.

— Понимаете, — он нервно поправил очки. — Просьба...

Довольно-таки необычная.

«Да не тяни ты резину!» — я посмотрел на покинутый стол, за которым мужики энергично стучали костяшками.

— Не могла бы ваша девочка поговорить по телефону с моей женой?

— С вашей женой?! — я удивленно посмотрел на него. — Но о чем?!

— Понимаете, — он переступил с ноги на ногу. — Давайте присядем на эту скамеечку. Ноги, понимаете, совсем плохи стали.

Мы сели на скамейку и некоторое время молчали...

Я знал этого старика. Знал постольку-поскольку, как, впрочем, знал друг о друге и каждый житель нашего длинного многоэтажного дома, прозванного «муравейником» и за количество жителей, и за множество квартир.

Мне было известно, что величают его Вадимом

Степановичем, что живет он в крайнем доме подъезде, в однокомнатной квартире вместе со своей женой. Говорили, что она у него чем-то больна. На улице ее никогда не видели.

Встречались мы с ним редко, по обыкновению утром: я шел па работу, а он в магазин занимать очередь за молоком.

— За сливками, Вадим Степанович? — шуточно спрашивал я вместо положенного «здравствуйте»,

— Ценой, сынок, сливки кусаются, — отвечал он, улыбаясь беззубым ртом. — За молочком.

Во дворе он появлялся редко и только по вечерам. Садился где-нибудь в стороне промолчал.

— Да-а, — со вздохом ронял кто-нибудь из мужиков. — Старость — не радость.

— Правильно говорят, — добавлял другой, — что змея состарится — на ней лягушка будет верхом ездить.

— И кто только придумал эту старость, — подхватывал третий. — Пускай года, но дряхлеть-то зачем. Мне тут одна — кивнул в сторону дома, — «примадонна» жаловалась на своего больного мужа. Не жив, говорит, потому что безнадежен, и не мертв, потому что о нем нельзя забыть. Вот и мучаюсь...

— Понимаете, — наконец-то старик нарушил затянувшееся молчание. — Жена у меня больна. Профессор сказал, что это ей война о себе напомнила. Ранена была, моя старуха два раза, у немцев в лагере больше трех лет сидела... Болезнь у нее какая-то по телу рассыпалась: на руках, лице. Врачи говорят, что не заразная. Мы уж и справку принесли, а невестка внучку к нам не пускает, говорит, что пускай подрастет, чтоб иммунитет выработался, — он горько усмехнулся, снял очки, вытер кончиком платка глаза. — Покуда вырастет, мы со старухой в земле лежать будем. — Тяжело вздохнул, добавил: — Видеть внучку старуха хочет. Хоть бы голосок ее услышать, говорит...

— А сын? — я сломал невестку откуда появившийся в руках пруттик, — Он-то чего молчит?

— А что сын, — он потерянно махнул рукой. — Такой и сын.

— Но о чем они будут говорить?

— Они очень даже хорошо говорят — он живо повернулся ко мне. — Уверяю вас.

— Ну, хорошо, — я поднялся.

— Вот номер телефона, — он протянул мне бумажку.

Я позвал дочку, сказал ей, что пойдем звонить бабушке...

— Длинные гудки, — дочка вскинула на меня глаза.

— Жена с трудом ходит, — прошептал старик, — от табуретки к табуретке.

— Подожди еще, — я прикрыл дверцу...

— Бабушка! Здравствуй! Это я, Ира! — глаза у дочки заблестели.

Старик вздрогнул.

— Хорошо, — дочка смешно наморщила лоб. — Гуляю. Мама суп варит, а папа рядом стоит и на меня смотрит... Мы в мороженку ходили...

— Не-е, не заболею... Придем, бабушка... Обязательно. До свидания, — дочка привстала на цыпочки, повесила трубку и выскочила на улицу.

— Бабушка обижается, что я к ней не прихожу, — она взяла меня за руку. — Что ты обещал, а сам не приходишь...

Я оглянулся. Старик уходил, горбясь сильнее обыкновенного, в сторону «муравейника».

Я закурил, представил стоящую у телефона старую женщину, разговаривающую по телефону дочку, а между ними большой синий день, взрослых, вечно спешащих куда-то людей, забывших о самом главном, без чего жить нельзя, — доброте.

— Ну, что ж, — сказал я. — Пойдем, сходим к бабушке...

